

Слово редактора

УРОКИ ХАННЫ АРЕНДТ: ПРОБЛЕМА СОЗДАНИЯ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОГО ПРОТИВОВЕСА ВЛАСТИ (статья 2)

В.П. Макаренко

Южный федеральный университет

Аннотация: В статье рассматривается проблема истины в политике. Основываясь на оригинальной интерпретации концепции Ханны Арендт, автор анализирует конфликты между истиной и политикой, истиной и мнением, истиной разума и истиной факта, позицией философа и позицией гражданина. Одним из главных открытий Х. Арендт, по мнению автора, стало осознание того, что принуждающая сила истины противостоит политической власти.

Ключевые слова: истина и политика, истина и мнение, истина разума и истина факта, гражданская позиция, когнитивное сопротивление.

На основе анализа когнитивных, социальных и политических процессов XX века Ханна Арендт сформулирована систему критериев для их анализа и оценки. Часть из них описана в предыдущей статье [Макаренко 2015]. Возникает вопрос: почему приверженность фактической истине обычно воспринимается как антиполитическое настроение? Для ответа Ханна Арендт обсуждает фундаментальные проблемы: соотношение истин разума, истин факта и мнения; океан политической лжи; острова истины современного общества. Надо войти в процесс её размышления и аргументации.

Истина как механизм сдерживания

Все истины разума и истины факта противоположны мнению. Для примера Ханна Арендт приводит несколько утверждений:

Из области геометрии: «Три *угла* треугольника равны двум углам квадрата»;

Из области астрономии: «Земля вращается вокруг Солнца»;

Из области этики: «Лучше несправедливо страдать, чем несправедливо поступать»;

Из области истории и политики: «В августе 1914 года Германия напала на Бельгию».

Все эти истины не являются предметом спора и мнения и не зависят от договорённостей. Они обладают принудительной силой. Такое кредо сформулировал Гроций: «Даже

Господь не мог бы сделать так, чтобы дважды два не равнялось четырем». К принуждающей силе истины он обратился для противостояния политической власти.

На основе данных констатаций Ханна Арендт формулирует проблему: конституция, билль о правах, разделение властей не являются достаточными политическими средствами для сдерживания власти; надо разработать когнитивный противовес власти, источник которого находится вне политической сферы. В процессе разработки такого механизма она фиксирует сходство между тиранией и демократией. С точки зрения политики истина деспотична. Её ненавидят тираны, поскольку боятся конкуренции со стороны силы, которую они не могут присвоить. Однако демократические правительства тоже смотрят на истину подозрительно. Неудобное мнение можно оспорить, отвергнуть или смягчить. Неудобные факты можно унять только ложью. «Истина факта, — пишет Ханна Арендт, — как и любая истина, требует безоговорочного признания и исключает дискуссию, а дискуссия составляет самую суть политической жизни» [Арендт 2014: 355].

В процессе анализа Ханна Арендт развивает идею Канта о способности человека к «расширенному образу мыслей». Кант сформулировал эту идею в эстетике, но он осознал политических и моральных следствий своего открытия. Ханна Арендт систематизирует эти следствия.

Политическая мысль основана на представлении. Каждый человек формирует мнение по конкретному вопросу, рассматривая его с разных точек зрения. Процесс представления не означает слепого согласия с иными взглядами на мир. Но надо сохранить свою идентичность и способность мыслить при воображаемом перенесении туда, где индивида нет. Такова специфика способности к представительному мышлению.

Формирование мнения детерминируется людьми, на место которых человек ставит себя. Единственное условие такого воображения — незаинтересованность, свобода от собственных частных интересов. Качество мнения и суждения зависит от меры его беспристрастности. Политика есть мир всеобщей взаимозависимости, в которой каждый может сделать себя представителем каждого. Но большинство людей предпочитает такое мнение, которое учитывает только интересы данного индивида или группы, к которой он принадлежит. Поэтому наиболее часто встречается слепое упрямство, проявляющееся в нехватке воображения и неспособности судить.

Ни одно мнение не самоочевидно. Мышление дискурсивно в вопросах мнения, а не истины. Оно переносится с места на место, из одной части мира в другую, обегает все виды конфликтующих взглядов, пока не восходит от особенных случаев к беспристрастному общему. В сравнении с этим процессом утверждения истины не отличается ясностью. Истина разума несёт свет рассудку, а истина факта должна давать пищу мнениям, но эти истины по природе противятся прояснению, подобно тому как свет по природе не может быть освещён.

Указанную **неясность** Ханна Арендт иллюстрирует на примере фактов и истин факта. Случайность фактов безгранична. Именно по этой причине древние философы отказывались рассматривать сферу человеческих дел, которая целиком состоит из фактов. Они не верили, что истину можно открыть в «безотрадной случайности» (Кант) цепочек событий. Ни одна философия истории тоже не смогла примириться с упрямством чистой фактичности. Современные философы подняли на щит все виды необходимости — мирового духа, материальных условий, неизменной природы человека. По мнению Ханны Арендт, это сделано для того, чтобы вымести последние следы произвольного «все могло бы быть иначе» из единственной области действительной человеческой свободы. Задним числом любая последовательность событий выглядит так, словно иначе быть не могло. Но это оптическая или экзистенциальная иллюзия. Поэтому надо отвергнуть любые варианты идеалистического, материалистического и антропологического объяснения истории.

Иначе говоря, истина факта не более самоочевидна, чем мнение. Такова одна из причин, почему сторонники мнения часто отвергают истину факта, объявляя её ещё одним мнением. Для установления фактов обычно используются показания свидетелей, летописи, документы и памятники. В этих источниках всегда можно подозревать подлог. Если возникают разногласия, для их решения нет никакой третьей, высшей инстанции, можно лишь привлечь другого свидетеля, а последнее слово обычно остаётся за большинством, т. е. как при столкновении мнений. Такая процедура неудовлетворительна, ибо ничто не мешает большинству свидетелей быть лжесвидетелями. Чувство принадлежности к большинству может даже воодушевить на лжесвидетельство.

Как решает эту коллизию Ханна Арендт? Истина факта не обладает трансцендентностью принципов свободы, справедливости, чести и мужества. Но это невыгодное положение имеет серьёзные последствия для личности рассказчика истины и шансов его истины на выживание. Ханна Арендт приводит сентенцию Сократа «Лучше несправедливо страдать, чем несправедливо поступать». Это — пример философского утверждения, которое касается человеческого поведения и потому имеет политические следствия. Арендт избрала эту сентенцию по двум причинам: она дала начало западной этической мысли; она осталась единственным этическим положением, которое можно вывести из философского опыта.

Сократ не мог доказать истинность данного положения. Его опровергали на рыночной площади, где мнение противостоит мнению. Главный аргумент Сократа в защиту данного положения звучит так: человеку лучше быть в разногласии со всем миром, чем в разногласии и противоречии с самим собой. Для человека как мыслящего существа это этическое положение по поводу несправедливых дел и несправедливых страданий обладает не меньшей понуждающей силой, чем математическая истина. Но для человека как гражданина положение Сократа ложно¹.

Прежде всего по причине катастрофических последствий для любого сообщества, которое всерьёз пыталось следовать этическим предписаниям (сократическим, платоновским, христианским), относящимся к отдельному индивиду. Аристотель предостерег от того, чтобы давать философам слово в политических делах. Его аргумент был таков: по роду деятельности философ мало заботится о собственном благе, поэтому ему нельзя доверять в вопросе о благе для других, особенно в вопросе об «общем благе» — интересах сообщества. Макиавелли советовал оберегать политическую сферу от принципов христианской веры. На этой основе Ханна Арендт проводит жёсткое различие между философской и политической истиной (поскольку философская истина касается единичного человека, она по природе неполитическая) и анализирует несколько позиций по преобразованию философской истины в политическую². Все эти позиции сомнительны, хотя существуют до сих пор. Но философа может искушать власть мнения, а принудительная философская истина может стать искушением для государственного деятеля³. Арендт предлагает войну на два фронта с обоими искушениями.

¹ Под гражданином Арендт понимает действующее существо, которое беспокоится о мире и общественном благоденствии, а не о собственном благополучии, включая «здоровье» его «бессмертной души», которое считается важнее потребностей бренного тела.

² Эти позиции таковы: если философ пожелает, чтобы его истина восторжествовала над мнениями множества, он неизбежно потерпит поражение и сделает вывод о бессилии истины, то он выскажет банальность; если у философа вслед за Платоном возникнет искушение привлечь внимание какого-либо тирана, и он сможет создать одну из тираний «истины», то эта тирания будет не лучше остальных форм деспотизма; если истина восторжествует без насилия, а по причине случайного совпадения мнений, то в она превратится в обычное мнение множества людей, которые завтра могут передумать и сойтись на чем-нибудь другом.

³ Арендт приводит в пример Декларацию независимости Джефферсона, который объявил определённые «истины самоочевидными», поскольку хотел, чтобы всё то, что было предметом согласия между людьми Революции, не подлежало спору и аргументации. Подобно математическим аксиомам, эти истины должны были выражать «убеждения людей», которые «зави-

Она указывает религиозно-философские истоки указанных искушений: все люди равны перед лицом Бога; все люди равны перед лицом смерти; все люди относятся к виду разумных животных. Ни одно из них никогда не имело политических или практических следствий, поскольку уравниватель (Бог, смерть, природа) оставался за пределами сферы человеческого общения. Место таких истин не среди людей, а над ними. Равенство людей не самоочевидно и недоказуемо. «Мы придерживаемся этого мнения, потому что свобода возможна только среди равных, а мы считаем, что радости и награды, ждущие нас в свободной компании, следует предпочесть сомнительным удовольствиям господства» [Арендт 2014: 365]. Указанные предпочтения имеют величайшее политическое значение, но в этой сфере люди наиболее отличаются друг от друга. Всё это вопросы мнения, а не истины. Их значимость зависит от свободного согласия и соглашения: они получены путём дискурсивного мышления, а сообщают их посредством убеждения и разубеждения.

После такой расчистки площадки для спора Ханна Арендт приступает к выдвижению аргументов. Она утверждает: положение Сократа «Лучше несправедливо страдать, чем несправедливо поступать» является истиной, а не мнением. Хотя оно никогда не имело прямых политических последствий, но его влияние в качестве этического предписания на поведение людей невозможно отрицать. Это противоречит общему представлению о бессилии философской истины. Сократ использовал необычный способ убеждения: он решил поставить на эту истину свою жизнь, подать пример, когда он отказался бежать от смертного приговора. Здесь Ханна Арендт развивает идею Ницше: научение примером есть единственный способ, каким философская истина может «убеждать», не подвергаясь искажению или передергиванию⁴; точно так же философская истина только тогда может стать «практической» и вдохновить на поступки, когда ей удаётся найти выражение в облике примера. Такова единственная возможность верификации этического принципа⁵.

Но сегодня философские утверждения не считаются настолько серьёзными, чтобы они угрожали жизни философа. Поэтому исчезла возможность сделать философскую истину значимой в политике. Для рассказчика истины разума такая возможность существует, но её нет у рассказчика истины факта. Высказывания о фактах не содержат ничего, что могло бы стать принципом для поступков; само их содержание не поддаётся верификации. Если же рассказчик истины факта пожелает отдать за какой-нибудь факт свою жизнь, то в этом поступке обнаружится его мужество или упрямство, но не истинность его слов и не его собственная правдивость. Лжец тоже может держаться лжи с величайшим мужеством, особенно в политике, где его может побуждать патриотизм или стремление защитить законные групповые ин-

сят не от их собственной воли, но невольно подчиняются доказательству, предложенным их уму». Но сказав «Мы считаем эти истины самоочевидными», он неосознанно признал, что утверждение «Все люди сотворены равными» не самоочевидно, а нуждается в соглашении, — что равенство есть не «истина», а вопрос мнения, и только в этом случае оно имеет значение в политике.

⁴ Именно в этом смысл замечания Ницше: «Я придаю философам значение ровно в той мере, в какой они в состоянии подать пример».

⁵ Для иллюстрации этого общего положения Арендт приводит примеры: поведение Ахилла позволяет верифицировать понятие мужества; поведение Иисуса Христа или святого Франциска позволяет верифицировать понятие доброты. Эти примеры учат, убеждают и вдохновляют на поступки. Всякий раз, когда мы совершаем мужественный или добрый поступок, мы подражаем кому-то другому. Как сказал Джефферсон, «внушить сыну или дочери живое и стойкое чувство сыновнего долга можно скорее чтением „Короля Лира“, чем всех сухих томов по этике и богословию, какие когда-либо были написаны». Как сказал Кант, «никогда ещё общие предписания, данные священнослужителями и философами или выработанные самостоятельно, не давали результатов, подобных тем, к которым ведёт следование примеру добродетели или святости». В отличие от схем, которые разум порождает самопроизвольно, посредством воображения, эти примеры берутся из истории и поэзии, через которые, как отметил Джефферсон, совершенно иная «область воображения попадает к нам в распоряжение».

тересы. Поэтому патриотизм и защита групповых интересов были и остаются врагами истины.

Всеобщая паутина обмана

Ханна Арендт определяет ложь как намеренную неправду и врага истины. Для иллюстрации она анализирует два высказывания о факте: «Германия напала на Бельгию в августе 1914 года» и «Бельгия напала на Германию в августе 1914 года». Первое высказывание является реальным историческим фактом. Другое высказывание Клемансо считал нелепым. Но он не был знаком с искусством переписывания истории. По мнению Арендт, противоположное утверждение есть явная попытка изменить хронику и образует форму *действия*. В этом смысле оно является разновидностью деятельности лжеца. Лжец не может принудить всех к согласию с ложью. Поэтому не настаивает, что его утверждение есть истина в последней инстанции. Он маскирует ложь правом на «мнение». Этим часто занимаются подрывные группировки в политически незрелом сообществе, чтобы вызвать замешательство. Размывание границы между истиной факта и мнением — форма действия лжи.

Лжец — человек действия. Рассказчик истин разума или факта таковым не является. Но он может захотеть сыграть роль в политике путём убеждения. В этом случае он должен объяснить, почему его истина лучше всего отвечает интересам группы? Философ одерживает пиррову победу, когда его истина становится господствующим мнением. Если рассказчик истины факта вступает в пространство политики и идентифицирует себя с интересами и страстями группы властвующих, он жертвует единственным качеством, делавшим его истину правдоподобной, — своей личной правдивостью, залогом которой служили его беспристрастность, честность и независимость.

Фигура профессионального рассказчика истины в политике вызывает подозрение, поскольку он обнаруживает совпадение между истиной и интересами. Лжецу не надо приспособливаться к политической арене: «Он говорит то, чего нет, потому что хочет, чтобы всё было по-другому — т. е. он хочет изменить мир» [Арендт 2014: 371]. Иначе говоря, Ханна Арендт подвергает критике не только все виды лжи во спасение, но и все разновидности политического активизма XX века.

Она аргументирует эту критику следующим образом. Существует родство между способностью изменять мир и способностью лгать. Способность лгать относится к немногим очевидным и наглядным подтверждениям свободы человека. А способность говорить правду не относится. Человек может изменить обстоятельства только потому, что относительно свободен от них. Лицемерие и лживость суть извращение и злоупотребление этой свободой. Отсюда вытекает **противоречие между профессиональным историком и профессиональным политиком**: первый обычно не может преодолеть искушение попасться в ловушку необходимости и неявно отвергнуть свободу действия; второй почти не может преодолеть искушение переоценить возможности свободы и лживо отрицать или исказить факты.

На этой основе в XX веке возникла система организованной лжи. Ложь — главное свойство большинства политиков, особенно тех, кто стремился переделать мир. Правдивость никогда не была политической добродетелью потому, что от неё мало толку в деле изменения мира и обстоятельств, т. е. в политической деятельности. Но правдивость может стать перво-степенным политическим фактором там, где сообщество вступило на путь организованной тотальной лжи, а не просто лжёт по отдельным вопросам. Если все лгут по всем важным вопросам, то рассказчик истины начинает совершать поступки. Он вовлекается в занятия политикой, а если выживет, то даст начало изменению мира.

Иначе говоря, Ханна Арендт принимает только такое изменение мира, которое направлено в сторону беспощадной истины. Такая истина предполагает борьбу с выгодой, удовольствием, общепринятыми убеждениями и любыми формами правдоподобия.

Такое кредо позволяет Ханне Арендт сформулировать основы анализа нового феномена массовой манипуляции фактами и мнениями. Этот феномен возник в XX веке и проявляется в переписывании истории, создании имиджей и фикций, реальной государственной политике.

Традиционная политическая ложь известна из истории дипломатии и государственного управления. Она касалась либо настоящих тайн (данных, которые никогда не оглашались публично), либо намерений, которые не могут быть столь же достоверны, как факты. Современная политическая ложь успешно работает с тем, что не представляет тайны и известно каждому. Примерами лжи являются: переписывание истории на глазах у её свидетелей; различные виды имиджмейкинга, когда любой известный и установленный факт может отвергаться или игнорироваться, если он вредит имиджу. Задача имиджа состоит в подмене действительности. Благодаря современной технике и СМИ такой заменитель получает больше внимания, чем оригинал⁶.

Все неправды содержат насильственную составляющую; организованная ложь всегда стремится уничтожить то, что решено отрицать, хотя лишь тоталитарные правительства сознательно используют ложь как первый шаг на пути к убийству. Классическим примером политической лжи является история и политика СССР. Когда Троцкий узнал, что не принимал никакого участия в Октябрьской революции, ему стало ясно: его смертный приговор подписан. Проще устранить публичную фигуру из исторических хроник, если одновременно устранить её из мира живых.

Короче говоря, разница между традиционной и современной ложью состоит в различии между скрыванием и уничтожением. Раньше участники обмана относились к ограниченному кругу государственных деятелей и дипломатов. Традиционная ложь всегда касалась частных и никогда не предназначалась для обмана всех; она предназначалась врагу и должна была обмануть только его. Современная ложь направлена на обман всех.

Оба этих смягчающих обстоятельства традиционной лжи отсутствуют в современной манипуляции фактами. По этому поводу Арендт опять ставит комплекс вопросов⁷, который завершается главным вопросом: если современная политическая ложь настолько масштабна, что требует полностью перекроить всю текстуру фактов — как бы создать иную действительность, куда эту ложь можно будет вплести без единого шва или разрыва, ровно так, как факты вплетены в свой исконный контекст, — что мешает этим новым историям, фикциям и нефактам стать полноценной заменой действительности и фактической истины?

Для иллюстрации того, как трудно обманывать других, не обманывая самого себя, Арендт рассказывает байку⁸. Эта история даёт понять, до какой степени представление о ре-

⁶ Показательными примерами лжецов являются государственные деятели. В пример Ханна Арендт приводит де Голля и Аденауэра. Они выстроили принципы своей политики на откровенной лжи: де Голль сумел сделать так, что Францию начали относить к числу победителей последней войны и великих держав; Аденауэр считал, что «зверства национал-социалистов пользовались согласием лишь относительно небольшого процента населения страны».

⁷ Чем важны эти ограничения и можно ли их назвать смягчающими обстоятельствами? Почему самообман стал неотъемлемым инструментом в ремесле имиджмейкеров и фальсификаторов? Почему для мира и лжеца будет хуже, если он сам обманется собственной ложью, чем если обманет других? Разве можно придумать лучшее моральное оправдание для лжеца, чем то, что его отвлечение к лжи было так велико, что прежде, чем он смог лгать другим, ему пришлось убедить себя самого?

⁸ В ней рассказывается о том, что случилось однажды ночью в городе, на смотровой башне которого днём и ночью дежурил часовой, чтобы предупреждать людей о приближении врага. Часовой был падок на розыгрыши и той ночью пробил тревогу, просто чтобы нагнать на городских немного страху. Его успех был ошеломляющ: весь город бросился на стены, а последним к ним помчался сам часовой.

альности зависит от окружающего мира и какая нужна сила духа, чтобы утверждать нечто свое (ложь или истину), чего никто не разделяет. Чем успешнее лжец, тем скорее он падёт жертвой собственных подтасовок. Шутник, обманувший сам себя, оказавшийся в одной лодке со своими жертвами, с виду заслуживает куда большего доверия, чем хладнокровный лжец, позволяющий себе наслаждаться своей выходкой с расстояния. Но только самообман создаёт видимость правдивости. А в споре о фактах только личный внешний облик имеет шанс оказаться убедительнее удовольствия, страха и выгоды.

Этические предрассудки таковы, что люди сурово относятся к хладнокровной лжи, а к искусству самообмана относятся терпимо⁹. Ханна Арендт усматривает здесь проблему: чтобы подкрепить утверждение «Лучше лгать другим, чем обманывать самого себя», надо учесть, что хладнокровный лжец осознает различие между истиной и ложью. Поэтому истина, которую он прячет от других, нашла последнее убежище в самом лжеце. Он солгал, но не изолгался. Ни он, ни обманутый им мир ещё не лишились надежд на «вечную жизнь».

Современная манипуляция фактами — это нанесение необратимого ущерба действительности. В прежние времена манипуляции не было. В современном свободном мире у государства нет монопольной власти решать, что является и не является фактом. Но даже там гигантские организации лиц с общими интересами ввели в обиход мышление в стиле *raison d'etat*, которое прежде встречалось лишь в области иностранных дел, а в худших проявлениях, в ситуациях прямой и несомненной угрозы. Государственная пропаганда на государственном уровне переняла уловки из деловой практики и из арсенала Мэдисон-авеню. Традиционная ложь была предназначена для иностранного неприятеля. Имиджи и фикции для внутреннего употребления могут стать действительностью для каждого, включая их создателей. При этом создатели уже в процессе изготовления «продукта» вдохновлены мыслью о числе своих потенциальных жертв. Инициаторы создания лживого образа понимают, что хотят обмануть врага на общественном или национальном уровне. Но в итоге ориентиром для групп и целых наций становится **паутина обмана**, в которую их лидеры хотели поймать своих оппонентов.

Основные усилия групп обманутых и обманщиков направлены на сохранение в неприкосновенности созданного пропагандой образа. Этому образу угрожают не столько действительные враги и враждебные интересы, сколько те члены группы, кто сумел избежать его чар и настаивает на обсуждении фактов и событий, которые не укладываются в этот образ. Современная история полна примеров, когда рассказчики истины факта воспринимались как большая опасность и даже более враждебная сила, чем действительные оппоненты. С точки зрения политики важно, что современное искусство самообмана приводит к преобразованию внешней политики во внутреннюю, и международный или межгрупповой конфликт бумерангом возвращается на сцену внутренней политики. В период холодной войны самообман использовался обеими сторонами. Консервативные критики массовой демократии часто подчёркивали опасности этой формы правления для международных дел, не упоминая об опасностях, которыми чреваты монархии и олигархии. Эти доводы усиливаются фактом: в полностью демократических условиях обман без самообмана невозможен.

Нынешняя система всемирного сообщения охватывает большое число независимых стран. Ни одна из мировых держав не может взять свой «имидж» под полный контроль, поскольку факты нарушают ход пропагандистской войны конфликтующих фикций. Продолжительность жизни фикций едва ли удастся увеличить даже при наличии всемирного правительства или другой современной версии *Pax Romana*. Это лучше всего можно проде-

⁹ Ханна Арендт в противовес этой оценке приводит знаменитую сцену в монастыре из «Братьев Карамазовых». Старший Карамазов, закоренелый лжец, спрашивает старца Зосиму: «Что мне делать, чтобы наследовать жизнь вечную?», и старец отвечает: «Главное, самому себе не лгите». Достоевский не объясняет и не развивает этот отрывок.

монстрировать на примере закрытых тоталитарных систем и однопартийных диктатур. Они превосходят любые другие организации в защите идеологий и фикций от истины и от действительности¹⁰. Проблема в том, что им постоянно приходится менять ложные утверждения, которые они предлагают взамен действительной истории; меняющиеся обстоятельства требуют заменять один учебник истории на другой, переклеивать страницы в энциклопедиях и справочниках, стирать одни имена и вписывать другие, ранее неизвестные или малоизвестные. Это бесконечное непостоянство лишено признаков, по которым можно вычислить истину. Оно само по себе служит признаком лживости всех публичных высказываний о мире фактов. В отдалённой перспективе промывка мозгов приводит к тому, что люди совершенно отказываются верить в истинность чего бы то ни было, с какой бы достоверностью она ни была установлена.

Другими словами, последовательная и тотальная подмена истины факта ложью приведёт не к тому, что эту ложь примут как истину, а истину будут поносить как ложь. Результат намного хуже: государственная политика целенаправленно уничтожает чувство, посредством которого люди ориентируются в реальном мире. А категория лжи/истины относится к числу необходимых для этого мыслительных средств.

Ханна Арендт считает, что от этой напасти лекарства нет. Такова обратная сторона случайного характера фактической реальности. Все человеческие дела могли получиться иначе. Поэтому возможности лжи безграничны. Фикции всегда можно объяснить и сделать правдоподобными. В этом причина того, что последовательная ложь вырывает землю у нас из-под ног и не даёт никакой опоры взамен. «Ощущение, что все, на что мы опираемся, чтобы иметь чувство направления и реальности, дрожит и шатается, относится к самым явным и распространённым переживаниям людей при тоталитарном правлении» [Арендт 2014: 381].

Таким образом, родство лжи с политикой как способом изменения мира универсально. Убеждённый фальсификатор заблуждается, когда думает, что может предвосхитить изменения, переврав факты, от которых все хотят отделаться. Политики и пропагандисты слаборазвитых стран любят создание потемкинских деревень. Но это никогда не ведёт к учреждению чего-то реального. Оно только совершенствует притворство. Все истины факта касаются прошлого. Но действию подвластно не прошлое и не настоящее как результат прошлого, а будущее. Если с прошлым и настоящим обращаются как с частями будущего, политическое пространство лишается не только главной стабилизирующей силы, но и отправной точки для изменений и любых новых начинаний. Тогда начинаются бесплодные перестановки и перетасовки, характерные для многих новых наций, которым не повезло родиться в эпоху пропаганды.

Государственная власть — главная угроза миру фактов. Но Арендт обращает внимание на то, что власть по своей природе не способна ничем заменить фактическую реальность. Упрямые факты превосходят власть; они не столь мимолётны, как властные образования, которые возникают, когда люди объединяются с некоей целью, но исчезают, едва цель достигнута или потеряна. Эта мимолётность делает власть крайне ненадёжным средством для достижения любого постоянства. В её руках опасности подвергаются не только истины и факты, но и ложь и выдумки. «В отношении к фактам, — пишет Ханна Арендт, — политика

¹⁰ Арендт приводит в пример исправления хроник фрагмент из Смоленского архива. Из меморандума 1935 года мы узнаем о бесчисленных трудностях, с которыми сталкивается такое предприятие. Что «делать с речами Зиновьева, Каменева, Рыкова, Бухарина и др. на партийных съездах, пленумах ЦК, конгрессах Коминтерна, съезде Советов и т. д.? Как быть с антологиями марксизма, написанными или отредактированными совместно Лениным, Зиновьевым и другими? Как быть с сочинениями Ленина под редакцией Каменева? Что делать в случаях, когда Троцкий написал статью для номера „Коммунистического интернационала“? Должен ли быть конфискован весь выпуск?» На эти вопросы в архиве ответов нет.

должна идти крайне узкой дорожкой, избегая, с одной стороны, опасности принимать их за результаты какого-нибудь необходимого процесса, который люди не могли предотвратить и с которым поэтому ничего не могут поделать, а с другой — опасности отрицать их, пытаться удалить их из мира» [Арендт 2014: 381].

Острова истины

В заключение Арендт формулирует общий вывод: посмотреть на политику с позиций истины означает занять положение рассказчика истины вне политического пространства. Это положение подрывается, если рассказчик пытается *вмешаться* в человеческие дела и говорить на языке убеждения или насилия. Положение вне политического пространства есть один из модусов одиночества. К ним относятся уединение философа, изоляция учёного и художника, беспристрастность историка и судьи, независимость свидетеля и репортёра. Все они обнаруживают факты. Каждый из модусов одиночества включает верность делу и исключает вовлеченность в политику. Только когда мы делаем один из них своим образом жизни, он может прийти в противоречие с требованиями политического.

Неполитическая и антиполитическая природа истины «Да свершится справедливость, если даже мир погибнет» начинает осознаваться только в ситуации конфликта. Но надо учитывать также роль независимого суда и университетов. В этих публичных учреждениях истина и правдивость всегда оставались высшим мерилем. Судебная власть тщательно охраняется от общественной и политической власти, а высшим учебным учреждениям государствоверяет воспитание своих будущих граждан¹¹. Крайне неудобные истины рождались и рождаются в университетах, и крайне неудобные приговоры выносятся судами. Суд и университет — это островки истины, им по-прежнему грозят все опасности, исходящие от общественной и политической власти. И все-таки существование и самоорганизация независимых и незаинтересованных учёных увеличивают шансы истины восторжествовать в публичной сфере. В конституционно управляемых странах осознали, что политическое пространство заинтересовано в существовании людей и учреждений, над которыми у него нет власти.

Сегодня на первый план вышли узкопрофессиональные училища, а развитие естественно-научных подразделений принесло плоды, оказавшиеся жизненно важными для страны. Общественную и технологическую пользу университетов невозможно отрицать, но она не имеет отношения к политике. В политическом отношении важнее исторические науки и гуманитарные дисциплины, призванные находить, охранять и толковать истину факта, и оставленные людьми документальные источники. Рассказывать истину факта означает не только давать ежедневные новости. Работа журналистов имеет непосредственное политическое значение. Но чтобы пресса стала «четвёртой ветвью власти», её надо защищать от государственной власти ещё тщательнее, чем от неё защищают суд. Ибо функция предоставления информации осуществляется извне политического пространства.

Все рассказчики истины должны учитывать связь трагедии с творчеством. Примером для Ханны Арендт служит жизнь и творчество Исак Динесен. Политическая функция рассказчика (историка, судьи, учёного, журналиста, романиста) — учить принимать вещи такими, какими они есть. Это принятие означает правдивость, на основе которой возникает

¹¹ Академия была основана Платоном — самым решительным и влиятельным противником полиса. Но его мечта не осуществилась: Академия не стала противовесом обществу, и нигде не слышно ни о каких попытках университетов захватить власть. Случилось то, о чем Платон не мечтал: пришло осознание, что не только правосудие нуждается в беспристрастности, но и политическая сфера нуждается в учреждении, не затрагиваемом властной борьбой; ибо независимо от того, находятся эти высшие образовательные учреждения в частных руках или в государственных, не только их целостность, но и само их существование зависят от доброй воли правительства.

способность суждения: говоря словами Исаак Динесен, «в конце мы получим привилегию рассмотреть и пересмотреть его — именно это и называется судным днём».

Все эти функции выполняются извне политического пространства. Они требуют невовлеченности, беспристрастности, свободы от корыстных интересов в мысли и суждении. Незаинтересованный поиск истины начинается с Гомера. Он решил воспеть деяния троянцев наряду с деяниями ахейцев и вознести не меньшую хвалу Гектору, врагу и побеждённому, чем Ахиллу, герою собственного народа. «Такого прежде не случалось нигде; ни одной, сколь угодно блистательной цивилизации не удавалось взглянуть одним и тем же взором на друга и врага, на успех и поражение, — которые со времён Гомера не признаются решающими мерилами для того, чтобы судить о людях, хотя имеют решающее значение для людских судеб. Гомеровская беспристрастность эхом звучит через всю греческую историю; она вдохновила первого великого рассказчика истины факта, ставшего отцом истории: Геродот в первых предложениях своих историй говорит нам, что его намерение в том, чтобы «великие и удивления достойные деяния как эллинов, *так и* варваров не оказались незаслуженно в неизвестности». В этом корень всей так называемой объективности — в любопытном, неведомом за пределами западной цивилизации рвении любой ценой добиться интеллектуальной честности. Без него никогда не возникло бы науки» [Арендт 2014: 388].

Итак, Ханна Арендт рассматривает политику с внеполитической позиций. Она отвергает понимание политики как поля битвы конфликтующих интересов и пристрастий типа удовольствия, выгоды, предубеждений и страсти к господству. Она не согласна с определением политики как сферы публичных дел, власти, интереса и необходимости. Именно указанные понимания и определения способствуют тому, что истина факта до сих пор сталкиваются с политикой. По мнению Ханны Арендт, настоящее содержание политической жизни заключается в радости общения — пребывания в компании равных, совместных действиях и появлениях на публике. Величие и достоинство политики состоит в коллективном творчестве, когда с помощью слов и дел включаются в дела мира, приобретая и поддерживая свою личную идентичность и начиная нечто совершенно новое. Но даже так понятая политика не включает в себя всё существование человека и мира. Истина кладёт пределы политике: «В понятийном отношении истиной можно назвать то, чего мы не можем изменить; в метафорическом отношении истина — это земля, на которой мы стоим, и небо, распростёршееся над нами» [Арендт 2014: 389].

Выводы

Таким образом, для создания интеллектуального противовеса надо учитывать систему критериев для описания и оценки социальных и политических процессов XX века, которая разработана Ханной Арендт. Данная система базируется на основоположениях: природа политики — отрицание или извращение любых истин; свобода мнения является фарсом, если не даётся адекватная информация о фактах, а сами факты остаются предметом спора; право каждого поколения писать собственную историю не даёт права прикасаться к фактическому материалу; групповые, общественные и государственные интересы противостоят истине. В целях укрепления истины Ханна Арендт ставит проблему создания интеллектуального противовеса власти. Для разработки этого противовеса она бросила на весы несокрушимую логику и убедительные аргументы.

Принуждающая сила истины противостоит политической власти. Неудобные факты обладают упрямством, которое можно унять только ложью. Истина факта требует безоговорочного признания и исключает дискуссию. Но в большинстве случаев люди руководствуются слепым упрямством, недостаточным воображением и неспособностью судить. Качество

мнения и суждения зависит от меры его беспристрастности. Для установления фактов обычно используются источники, в которых всегда можно подозревать подлог. Большинство свидетелей могут стать лжесвидетелями.

Философская истина касается единичного человека и потому по своей природе неполитическая. Но её воплощение в жизнь зависит от того, предпочитает ли большинство людей радости свободной компании удовольствиям господства. Научение примером есть единственный способ, каким философская истина может «убеждать», не подвергаясь искажению или передегиванию. Но в XX веке исчезла возможность сделать философскую истину значимой в политике.

Ложь — вековечный враг истины. Ложь образует форму *действия*. Размывание границы между истиной факта и мнением — форма действия лжи. Философская истина никогда не должна претендовать на господствующее мнение. Беспристрастность, честность и независимость в изложении фактов невозможны без противоборства с интересами и пристрастиями группы властвующих в любой стране. Существует родство между политикой как способностью изменять мир и способностью лгать. Отсюда вытекает противоречие между профессиональным историком и профессиональным политиком: первый не может преодолеть искушение попасться в ловушку необходимости и отвергнуть свободу действия; второй не может преодолеть искушение переоценить возможности свободы и примириться с лживым отрицанием или искажением фактов.

Организованная ложь — внутреннее свойство политики, поскольку она претендует на преобразование мира. Правдивость никогда не была политической добродетелью, но стремление к истине может стать первостепенным политическим фактором там, где общество вступило на путь организованной тотальной лжи.

В XX веке в СССР и нацистской Германии возник феномен массовой манипуляции фактами и мнениями. Он проявляется в переписывании истории, создании имиджей и фикций и реальной государственной политике. Развивается противоречие между традиционной и современной политической ложью. Все неправды содержат насильственную составляющую; организованная ложь всегда стремится уничтожить то, что решено отрицать. Тоталитарные правительства сознательно используют ложь как шаг на пути к убийству. Разница между традиционной и современной ложью состоит в различии между скрыванием и уничтожением.

Современная манипуляция фактами — это нанесение необратимого ущерба действительности. Государство культивирует мышление в стиле *raison d'etat*, которое прежде встречалось лишь в области иностранных дел и в ситуациях прямой и несомненной угрозы. Такова основа государственной пропаганды. В итоге паутина обмана стала всеобщей. Современное искусство самообмана приводит к тому, что международный или межгрупповой конфликт буерангом возвращается на сцену внутренней политики. Промывка мозгов приводит к тому, что люди совершенно отказываются верить в истинность чего бы то ни было. Последовательная и тотальная подмена истины факта ложью уничтожает чувство и категорию лжи/истины, посредством которых люди ориентируются в реальном мире. Ощущение всеобщей зыбкости — феномен и следствие тоталитарного правления. Власть и созданная ею пропаганда — главная угроза миру фактов. Власть — крайне ненадёжное средство для достижения постоянства.

Истина безвластна и всегда проигрывает в поединке с властью; истина обладает собственной силой, поскольку власти не в состоянии изобрести ей замену; уговоры и насилие могут разрушить, но не могут заменить истину. Посмотреть на политику с позиций истины означает занять положение рассказчика истины вне политического пространства. Положение вне политического пространства есть один из модусов одиночества, к которым относятся уединение философа, изоляция учёного и художника, беспристрастность историка и судьи,

независимость свидетеля и репортёра. Все они обнаруживают факты. Деятельность по регистрации фактов осуществляется в публичных учреждениях — судах и университетах как островах истины в море тотальной лжи. Но существованию этих учреждений по-прежнему грозят все опасности, исходящие от общественной и политической власти.

Стало быть, идеи Ханны Арендт требуют всестороннего обдумывания и применения ко всем сферам внешней и внутренней политики всех обществ и государств. Особенно они применимы к описанию политической истории России на основе опыта людей, переживших эту историю и сохранивших ясность ума, несмотря ни на какие обстоятельства. Ещё более важно использовать эти идеи для систематизации и оценки современных событий в отношениях России с сопредельными странами. Здесь мы попадаем в сферу спорных фактов и мнений, которые можно систематизировать в соответствии со всеми параметрами, сформулированными великой женщиной-философом. По отношению к данным параметрам все реальные фигуры политики и государственной власти являются лишь бездарными статистами. Ханна Арендт начала составлять их список, поместив в него Ленина, Сталина, Гитлера, де Голля и Аденауэра. Приглашаю читателей дать предложения по другим кандидатам в этот список.

Арендт Х. 2014. *Между прошлым и будущим. Восемь упражнений в политической мысли*. Пер. с англ. и нем. Д. Аронсона. — М.: Изд-во Института Гайдара.

Макаренко В.П. 2015. Уроки Ханны Арендт: внеконтекстуальные проблемы системы организованной лжи (статья 1) — *Политическая концептология: журнал междисциплинарных исследований*. — № 1.